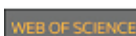

Шорохов В. А. Российские войска в Горно-Бадахшанской автономной области в 1992—1997 годах / В. А. Шорохов, А. А. Андреев // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 471—491. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-471-491.

Shorokhov, V. A., Andreev, A. A. (2019). Russian Troops in the Badakhshan-Mountain Autonomous Region in 1992—1997. *Nauchnyi dialog*, 11: 471-491. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-471-491. (In Russ.).

УДК 94(575.3)“1992/1997”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-471-491

РОССИЙСКИЕ ВОЙСКА В ГОРНО-БАДАХШАНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1992—1997 ГОДАХ¹

© Шорохов Владимир Андреевич (2019), orcid.org/0000-0002-0866-8529, ResearcherID G-4497-2015, SPIN 6855-9164, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), v.shorokhov@spbu.ru.

© Андреев Артем Алексеевич (2019), orcid.org/0000-0002-0431-2648, ResearcherID M-8858-2015, SPIN 6824-9185, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), a.a.andreev@spbu.ru.

Исследование посвящено наиболее драматичному периоду пребывания российских войск на территории Горного Бадахшана — эпохе гражданской войны в Таджикистане (1992—1997 гг.). Авторы работы постарались преодолеть схематизм и описательный характер историографии рассматриваемой темы. Для этого были привлечены документы из архива Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО), данные региональной периодической печати, а также ранее не публиковавшиеся аналитические материалы и фотографии из фондов Центрального Пограничного музея Федеральной службы безопасности Российской Федерации. В результате изучения противоборствующих сил вместо схватки безликих, монолитных и механически противопоставленных друг другу «русских» и «боевиков» формируется сложная картина взаимодействия различных акторов, вовлекаемых в гущу событий непредсказуемой динамикой контекста. Авторы приходят к выводу о том, что вооруженные силы бывшего «Центра» в определенный момент оказались единственным значимым экономическим агентом, гарантом безопасности и институтом социализации, предотвратившим развитие региона по «афганскому» сценарию.

Ключевые слова: Гражданская война в Таджикистане; Горной Бадахшан; Автономная республика Бадахшан; российские пограничники; Группа Пограничных войск Российской Федерации.

1. Введение

Горная система Памира, разделяющая Среднюю Азию, Индостан, Китай и Средний Восток, в конце XIX — начале XX веков стала ареной противоборства Российской и Британской империй, Китая и Афганистана. Благодаря победам экспедиционного отряда М. Е. Ионов в 1891—1894 годах России удалось закрепить за собой Восточный Памир и правобережье реки Пяндж. Контроль над непосредственно отошедшими империи территориями (современный Мургаб и Орошорская волость) и бухарскими Рушаном, Шугнаном и Ваханом, а также охрана их рубежей были возложены на Памирский пограничный отряд. Командиры Памирского

¹ Исследование подготовлено при поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых (кандидатов наук) № МК-5515.2018.6 «Россия и этнополитические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана (1991—2005)».

отряда имели статус уездных начальников, поскольку в обязанности им вменялся административный контроль над местным населением. Кроме того, они не подчинялись Министерству финансов, сохраняя субординацию по отношению к Штабу Туркестанского военного округа и военному губернатору Ферганской области, см.: [Постников, 2001; Некрасов, 2017 и др.].

В ходе советских преобразований 2 января 1925 года была создана Горно-Бадахшанская автономная область в составе Таджикской автономной ССР, которая, в свою очередь, была частью Узбекской ССР. Автономия на уровне области была сохранена после повышения статуса Таджикской АССР до союзной республики в 1929 году [Раджабов и др., 1975.] В течение всего процесса национально-территориальных преобразований Памир в административном плане сохранял свою зависимость от республиканского центра. Однако в социально-экономических реалиях региона ключевую роль играли дотации из общегосударственного бюджета и советское военное присутствие. Значение Памирских гор теперь определялось не столько близостью к Индии, Китаю и Афганистану, сколько водными ресурсами бассейна Пянджа, в слиянии с Вахшем образующего реку Амударью — главный источник гидроресурсов Узбекской и Туркменской ССР.

В наше время происходит постепенная замена покинувших границу в 2005 году российских пограничников контингентом из состава Народно-Освободительной армии Китая. Перемены в международной обстановке и укрепление государственной власти в поствоенном Таджикистане сопровождаются появлением новых вызовов региональной безопасности. Тем не менее события Гражданской войны в Таджикистане и действия российских пограничников, в те годы оказавшихся между «двух огней», не теряют своей актуальности в качестве предмета исследования.

История изучения рассматриваемой темы противоречива. С одной стороны, историография насчитывает не один десяток работ, в том числе монографий. С другой — большинство из них представляют собой публикации с неverified информацией, зачастую тенденциозной и искаженной. Все это объясняется дефицитом архивных материалов и «условно периферийным» характером тематики. Как правило, взаимоотношения российских пограничников и местного населения Памира в контексте междоусобицы рассматриваются достаточно поверхностно, как «микрочасти метапроблем», таких как распад СССР, рост угрозы исламского фундаментализма, региональное развитие постсоветской Центральной Азии и т. д.

Анализ рассекреченных, неопубликованных и общедоступных документов в совокупности с применением методов исторического исследования и регионоведческих подходов может обеспечить вполне фундированное и беспристрастное рассмотрение деятельности российских пограничников в контексте междоусобицы гражданского противостояния. Это и будет основной целью нашей статьи.

Традиционно изучению проблемы предшествует ограничение поля исследования. Его хронологические рамки (от которых в случае необходимости мы иногда будем отступать) определены «официальными» датами начала и окончания гражданской войны в Таджикистане — 1992 и 1997 годами. Определенную сложность пред-

ставляет ограничение в территориальном плане, поскольку трудно аргументировать акцент на действиях российских пограничников исключительно на территории крупнейшего региона республики — Горно-Бадахшанской области. Российские войска охраняли всю границу Таджикистана с Афганистаном, а наиболее известные сражения 1993—1994 годов между боевиками и пограничниками развернулись на территории Шурабадского района Хатлонской области, в зоне ответственности 12 пограничной заставы Московского погранотряда. Тем не менее именно ситуация в Бадахшане, на наш взгляд, отличалась наибольшим своеобразием в силу культурно-языковой, религиозной и географической обособленности этого региона. Кроме того, лишь в ГБАО в 1992—1994 годах существовало непризнанное Душанбе, но фактически вполне оформившееся политическое образование с элементами суверенитета — Автономная республика Бадахшан. Лишь на Памире в ходе конфликта существовали центры власти, более или менее устойчиво балансировавшие между центральным правительством, «демоисламской» оппозицией и внешними акторами (российскими войсками, Ага-ханом, афганскими полевыми командирами и т. д.). Таким образом, уникальность положения, сложившегося в регионе, во многом предопределила особенности истории пребывания в нем российских воинских контингентов, что, в свою очередь, легитимирует избранную нами тематику исследования.

2. Источники и историография проблемы

Самым «большим» в рамках рассматриваемой проблемы остается вопрос источников. Наиболее полная и хронологически равномерная информация для реконструкции общественно-политической ситуации в ГБАО и Таджикистане в целом, безусловно, содержится в прессе. Наиболее ценные материалы (на русском и таджикском языках) публиковались в главном периодическом издании Памира — газете «Бадахшон», а также в некоторых республиканских и российских СМИ (прежде всего «Вечерний Душанбе», «Голос Таджикистана», «Комсомольская правда», «Коммерсант», «Огонек»). Достаточно важные данные встречаются и на страницах ведомственной газеты «Боевой дозор», издававшейся российскими пограничниками в Таджикистане. Потенциал этой группы источников частично раскрыт в работах В. Бушкова, Д. Микильского, К. Мещерякова, К. Нуржанова, К. Блера и М. Худоевовой [Бушков и др., 1996; Мещеряков, 2009; Худоев, 2012; Nourzhanov et al., 2013]. Стоит, однако, помнить обо всех особенностях и последствиях обращения к СМИ. К тому же целый ряд других изданий остается неизученным.

Потенциально самые значимые материалы содержатся в архивах России, Таджикистана, Узбекистана, а также ряда международных организаций (прежде всего гуманитарных структур ООН и низаритской общины). Однако доступ к большей части информативных документов ограничен или закрыт. Это относится и к центральному пограничному архиву ФСБ РФ (г. Пушкино), где, предположительно, хранится большая часть подлинных документов Группы Пограничных войск Российской Федерации в Республике Таджикистан (далее — ГПВ). В этих условиях особую ценность приобретают недавно открытые для ознакомления фонды Центрального пограничного музея ФСБ (г. Москва), где собраны не только пись-

менные источники по рассматриваемой теме, но также значительный по объему и четко атрибутированный фотоматериал. Конечно, раскрытие темы нельзя себе представить без знакомства с документами Центрального государственного архива РТ (г. Душанбе) и Государственного архива Горно-Бадахшанской автономной области имени Х. Бурибекова (г. Хорог).

Наиболее важной особенностью архивных материалов является их официальный характер. Во многих случаях, увы, следствием стало отражение этими текстами «альтернативной реальности», где вместо сообщения сведений о конкретных полевых командирах, боевых эпизодах и бытовых ситуациях использовались намеки, фигуры умолчания, эвфемизмы, бюрократические шаблоны и описательные конструкции, снижающие доверие к тексту как фактологическому материалу. Тем не менее введение в научный оборот новых архивных источников, на наш взгляд, открывает перед исследователями более широкие перспективы изучения рассматриваемой темы.

Наконец, последней самостоятельной группой свидетельств, частично входящей в состав двух предыдущих, являются воспоминания очевидцев и участников событий. Они разбросаны по военным сборникам мемуаров, автобиографиям политиков, статьям командированных «на войну» журналистов, архивным фондам и собранным исследователями интервью. Эти материалы устной истории обладают всеми ее характерными чертами: субъективностью, следами избирательности механизмов памяти, узостью угла зрения и др. Однако вышеперечисленные обстоятельства не умаляют ценности этого комплекса источников.

Своеобразие историографии темы состоит, с одной стороны, в небольшом количестве работ, с другой — в публицистическом характере многих текстов. Изоляция ГБАО и трудность доступа к информации о периоде межгражданского противостояния в постсоветском Таджикистане не позволяют исследователям объективно рассмотреть уникальный прецедент охраны российскими пограничниками рубежей раздираемого внутренним политическим конфликтом нового государства.

Исследования отдельных авторов содержат ценную фактическую информацию и интересные наблюдения [Borcke, 1994; Djalili et al., 1998; Goodhand, 2000].

Например, в работе К. Нуржанова представлены детали процесса транзита от советского к российскому контролю границы. Переход к совместной охране с привлечением подразделений РТ справедливо связывается им с последним раундом межтаджикских переговоров, в ходе которого несколько бывших полевых командиров Объединенной таджикской оппозиции (далее — ОТО) получили ответственные посты в погранслужбе республики [Nourzhanov, 2005, p. 124]. Позднее в совместной монографии К. Нуржанов и Х. Блер охарактеризовали обратное влияние процессов, протекавших в районе таджикско-афганской границы, на внутриполитический конфликт в Таджикистане.

Согласно их версии, по мере увеличения количества боевиков оппозиции в северных провинциях Афганистана росла поддержка Россией правительства Э. Рахмонова [Nourzhanov et al., 2013, p. 350]. Перемены под влиянием тесного сотрудничества сил объединенной таджикской оппозиции с моджахедами в Афганистане происходили и в российских силовых структурах, как это показывает в своей работе Г. Глисон

[Gleason, 2000, p. 13]. Параллельная междоусобица в самом Афганистане и концентрация «демоисламистов» на приграничной территории привели к усилению российского контроля над бывшей южной границей СССР [Kraudzin, 2011, p. 178.].

Оригинальным, но не в полной мере обоснованным представляется тезис исследователя Л. Джонсона об усилении российского присутствия на таджикско-афганской границе как вынужденной мере, направленной на противодействие растущей угрозе со стороны движения «Талибан» [Jonson, 2006, p. 96].

В работах, посвященных политическим процессам в постсоветском Таджикистане, незаслуженно мало внимания, на наш взгляд, уделялось длительному периоду охраны границы российскими пограничниками [Jonson, 2006, p. 96]. Процессы постсоветского транзита в таком случае оказывались в оптике политических теорий. По сути абсолютизировалась борьба двух или нескольких политических акторов за влияние в том или ином регионе или в отдельно взятой стране. Само «поле битвы» при таком подходе оказывалось вторичным, недостойным внимательного рассмотрения [Giragosian, 2004, p. 43—77; Dubnov, 1995]. Исключением является работа канадского автора Э. Б. Грина, где представлен процесс развития памирского регионализма в контексте острого гражданского противостояния [Green, 2000].

Увы, большинство западных наблюдателей видели в договоренностях относительно охраны границ бывшего Советского Союза между Россией и Таджикистаном (как и с Кыргызстаном и Казахстаном) попытку РФ защитить остатки своего «геополитического» влияния и не допустить вовлечения указанных республик в западные военно-политические структуры [Kubicek, 1997, p. 649; Srivastava, 2002, p. 245; Friere, 2009, p. 131].

Ярким примером предвзятого подхода является организованная в 1990-е годы в западных и российских СМИ кампания по дискредитации деятельности российских пограничников, направленной на пресечение наркоторговли [Bliss, 2006, p. 337; Paoli et al., 2007, p. 964].

Антропологическое измерение темы Пянджского рубежа на материале службы памирцев в рядах пограничной группы войск впервые было представлено в статье Т. Краудзина. Автор на основе интервью с жителями ГБАО положительно характеризует российское присутствие как прежде всего дававшее дополнительную возможность для жителей изолированного региона бедной страны обеспечить себя материальными средствами [Kraudzin, 2016, p. 174].

Большое количество фактической информации (рост несанкционированных переходов границы, постепенно приобретающей условный характер для боевиков «демоисламистов», частые нападения на пограничные заставы и похищения российских военных) представлено в одной из лучших современных работ по гражданской войне в Таджикистане, — в монографии В. Бушкова и Д. Микульского, завершенной еще до окончания военного конфликта [Бушков и др., 1996, с. 80].

Интерес представляет также относящийся к 1995 году аналитический обзор, предпринятый Институтом мира. В нем объективно рассмотрены факторы «вовлечения» России в мегражданское противостояние, показан вынужденный характер этих мер в контексте развития кризиса и перспективы его выхода на региональный

уровень, конечно, с учетом того, что подобные обстоятельства сулят в будущем усиление российского влияния [The War in Tajikistan ...].

3. Группировка Советских войск в Таджикистане, распад СССР и начало гражданской войны (1989—1992)

Причины Гражданской войны в Таджикистане неоднократно описаны в профильной литературе, и вряд ли есть смысл воспроизводить хорошо известные тезисы. Однако есть ряд моментов, которые, по нашему мнению, заслуживают дополнительного акцентирования.

Одной из важных предпосылок затяжного конфликта в республике в целом и на Пянджском рубеже, в частности, роль которой учитывается, на наш взгляд, далеко не в полной мере, является география. Многие военные наблюдатели вполне заслуженно заостряли внимание на факте совпадения основной коммуникационной линии западного Памира с границей (от Дарваза до Шугнана). Однако этим список уязвимостей ГБАО не исчерпывается. Так, стратегически невыгодным для РТ является взаимное расположение таджикского и афганского Бадахшана. Последний, со всех сторон «охваченный» постсоветским Памиром, оказался крайне удобным для переброски сил по кратчайшим и почти не подвергающимся угрозам (с учетом политической невозможности «срезать» этот выступ) внутренним коммуникациям. Например, расстояние от Калаи-Хумба в Дарвазе до рушанского кишлака Дех по простреливаемому из-за реки Западно-Памирскому тракту составляет 122 км, тогда как по дорогам Афганистана — всего 90 км. Если учесть крайне сложный рельеф региона и ограниченные возможности авиации поддержки, боевики имели серьезнейшее преимущество, во многом уравнивавшее силы сторон.

Следует подчеркнуть, что «кадровое обеспечение» будущего конфликта также имело самостоятельное значение для его интенсивности и продолжительности. Кроме того, незаконные вооруженные формирования имели довольно длительную предысторию. Обо всем этом позволяют судить архивные документы.

Вывод советских войск из Афганистана и, как следствие, исчезновение 15-километровой полосы безопасности вдоль границы привели к резкому обострению военной и социальной обстановки на Пяндже [Назаршоев, 2017, с. 183, 210]. Уже в 1990—1991 годах представители местных властей ГБАО, КГБ и пограничников отмечали факты вооруженных столкновений с группами (по 5—20 человек) афганских и таджикских контрабандистов (основным предметом транспортировки, конечно, были наркотики), а также систематическое давление представителей наркомафии на пограничников и чиновников из числа местного населения. Руководители региональных силовых ведомств информировали народных депутатов о целенаправленной деятельности афганских моджахедов по созданию на территории ГБАО вооруженного «антисоветского подполья» с исламской политической программой (некий «Проект-М») [Протокол № 5 ...].

Успеху подрывной работы извне во многом способствовало ослабление пограничного контроля, мягкость наказаний за нарушение границы, отток кадров из автономии и отсутствие развитой системы досмотра грузов (например, в аэропорту

г. Хорога) [Там же]. К этому следует добавить объявленную еще в ноябре—декабре 1989 года всесоюзную амнистию ранее осужденных ветеранов Ограниченного контингента советских войск в Афганистане (далее — ОКСВА) [Постановление Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 года ...]. После распада Союза Верховный Совет Таджикистана сделал еще один «эффектный» шаг, санкционировав дезертирство военнослужащих из воинских частей исчезнувшей державы, находившихся за пределами республики (в расчете на их поступление в ряды еще не созданной национальной армии) [О прохождении юношами ..., 1992]. Фактически «благодаря» недальновидным решениям Москвы и Душанбе в Таджикистане к весне 1992 года появилось достаточное количество безработных мужчин, уже державших в руках (или готовых взять в руки) оружие. Волна беженцев, захлестнувшая ГБАО в 1992 — начале 1993 годов, застала готовые вооруженные структуры, вступление в которые давало надежду на сытую жизнь [Худоёров, 2012, с. 65—67.].

Отметим, что недостаточно изученной остается военно-политическая ситуация на таджикско-афганской границе в период между декабрем 1991 года и сентябрем 1992 года, когда пограничные контингенты формально стали переходить под юрисдикцию России. Известными фактами являются распад системы управления и комплектования пограничных войск, неясность их юридического статуса, обусловленная во многом существованием проекта единых вооруженных сил СНГ [Генеральный штаб ..., 2006, с. 373—375], отсутствие резервов для адекватного реагирования на резкое обострение обстановки. Однако некоторые детали упоминаются лишь в специальной военной литературе. Кроме того, фокус исследовательского интереса смещен в сторону событий 1993—1997 годов, когда оппозиция была вытеснена из Душанбе и юго-западных районов республики.

Первым важным фактом, который нужно учитывать при оценке действий пограничников в январе—августе 1992 года, является сопровождавший смерть СССР распад системы советских пограничных округов. Некоторое стабилизирующее влияние на ситуацию оказывал факт нахождения таджикско-афганского участка границы целиком в зоне ответственности Оперативной группы «Душанбе» Краснознаменного Среднеазиатского пограничного округа (далее — КСАПО) под командованием генерал-майора А. Н. Мартовицкого (Мургабский погранотряд из состава Краснознаменного восточного пограничного округа (далее — КВПО), охранявший границу с КНР, оказался «в тылу» Пянджского рубежа).

Однако компактное расположение группировки имело и обратную сторону: ее госпиталь, авиаполк, учебный центр, батальон связи и база снабжения находились в тогдашнем эпицентре столкновений — Душанбе [Горячий Пяндж ..., 2001, с. 18—20; Назаршоев, 2017, с. 225]. А между угрожаемым «тылом» и «передним краем» лежала огромная и разнородная серая зона, контроль над отдельными частями которой постоянно переходил от одних полевых командиров к другим. В сложившихся условиях единственной тактической опцией, позволявшей обезопасить личный состав, был переход к круговой обороне и концентрация сил и средств в наиболее пригодных для этого местах. Однако такие действия совершенно оголили бы границу.

Что еще хуже, по крайней мере до середины лета 1992 года ОГ «Душанбе» находилась в состоянии самообеспечения и самоуправления. Более того, в рамках весеннего противостояния власти и оппозиции официальные лица РТ Р. Набиев, С. Кенжаев и Н. Дустов пытались вовлечь А. Н. Мартовичского в борьбу с демоисламистами. Последний провозгласил нейтралитет, поддержанный командующим 201-ой дивизией и председателем КНБ Таджикистана [Пянджский рубеж ..., 2004, с. 30; Nourzhanov et al., 2013, с. 297—299]. Принципиальное соглашение о переходе пограничников под контроль РФ было достигнуто лишь 21 июля 1992 года, а сам процесс, как известно, затянулся до второй декады октября.

Все это не могло не сказаться на результатах охраны таджикско-афганской границы. И хотя нельзя согласиться с утверждениями, что пограничники в основном защищали «самих себя» [Худоёров, 2012, с. 269], сравнительная статистика, приводимая в военной литературе, свидетельствует об относительно низкой интенсивности боевых действий на Пяндже [Горячий Пяндж ..., 2001, с. 26; Назаршоев, 2017, с. 242]. При этом нет никаких оснований полагать, что интенсивность трансграничных перемещений в этот период была низкой.

19 октября 1992 года с возникновением Федеральной пограничной службы Российской Федерации (далее — ФПС РФ), наконец, была создана база для возобновления полноценной охраны пянджского рубежа, в частности его бадахшанского участка. Однако это было лишь началом. Только к декабрю 1993 года сформировался окончательный облик группировки войск, призванных взять под контроль опасную линию длиной 1344 км. Кроме 11—12 тыс. военнослужащих ГПВ (их численность постоянно колебалась) [Dubnov, 1995; Назаршоев, 2017, с. 242.], в операциях участвовали подразделения усиления и моторизованные соединения 201-ой дивизии, казахстанский (472 человека), узбекистанский (90 человек) и киргизский (278 человек) батальоны, а также 40 представителей формирующихся пограничных войск Таджикистана. Номинально эти отряды (кроме выходцев из Таджикистана) входили в единые Коллективные миротворческие силы. Фактически, по свидетельствам очевидцев, относительно скоординированными оказывались лишь действия российской ГПВ, 201-й дивизии и Казбата. При этом основная «пестрота» наблюдалась как раз в ГБАО, где на Калай-хумбском направлении (самом опасном) соседствовали русские, казахи и таджики, а на Ишкашимском — россияне и киргизы. Последние, по воспоминаниям очевидца, составляли наименее надежный контингент [Горячий Пяндж ..., 2001, с. 45].

Отдельная проблема, упоминаемая обычно вскользь, — кадровый состав самой ГПВ. С одной стороны, охраняющие пянджский рубеж войска, как и вооруженные силы РФ в целом, пополнялись с территории метрополии. Это способствовало вовлечению региональных властных центров России в жизнь пограничников, в частности, помощь в снабжении военнослужащих оказывали власти и общественные организации Москвы и Башкирии [Наумов, 1993, с. 1]. Однако специфика службы в горячей точке, гибкость правовой базы и экономические соображения подталкивали Россию к рекрутированию в ряды пограничников местного населения. Имеющиеся в литературе данные свидетельствуют о том, что к концу 1995 года 85 % личного состава ГПВ были гражданами Таджикистана. Большинство из них происходили с избежавшего

боевых действий севера республики, хотя в Бадахшане были широко представлены и памирцы. За 1996—1997 годы учебные центры ГПВ прошли 16 тысяч таджикстанцев [Михайлов, 2008, с. 286—288]. Важно подчеркнуть, что служба местных уроженцев не ограничивалась тыловыми работами. Так, согласно справке о боевых потерях из Центрального пограничного музея Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее — ЦПМ ФСБ) РФ, среди российских пограничников, погибших с января по октябрь 1994 года, в количестве 21 человек 8 военнослужащих были таджикстанцами [Справка о боевых потерях ...].

Перечисленные факты ставят под сомнение попытки односторонне представить пограничников как внешних наблюдателей или оккупантов, так как в последнем случае вероятно была бы полная поддержка жителями ГБАО оппозиции. Даже если вывести за скобки военную составляющую их действий, представители ГПВ оказывались в местах своей дислокации ключевым экономическим агентом и работодателем, единственным гарантом доставки гуманитарной помощи в ГБАО [Мирзо, 1992, с. 2].

4. Создание памирских незаконных вооруженных формирований и нарастание напряженности (1992—1993)

Не менее запутанной и практически неизученной остается история формальных антагонистов защитников Пянджского рубежа — незаконных вооруженных формирований. ГБАО в этом отношении, пожалуй, наименее благополучный регион, хотя некоторые местные полевые командиры интегрировались в армию РТ и по сей день занимают в ней видные должности. К сожалению, информация по этой теме до сих пор остается почти недоступной.

Обычно формирование полноценных вооруженных группировок на Памире связывается с волной беженцев и появлением отступивших из Душанбе отрядов оппозиции в конце 1992 года. Однако, по крайней мере, один из местных администраторов, впоследствии возглавивший процесс легализации незаконных вооруженных формирований (далее — НВФ), фигурирует в более ранних документах. 8 мая 1992 года решением президиума и исполкома Совета народных депутатов Автономной Республики Бадахшан (далее — СНД АРБ) все вопросы безопасности на территории региона были переданы в ведение военного комиссара подполковника Т. А. Тошмухаммадова [Бадахшон, 1992, с. 1]. В тот же день местная пресса сообщила о начале формирования отрядов самообороны, в которые записывалась «служившая молодежь» [Там же]. Учитывая наличие в приграничных районах автономии организованных групп, занимавшихся контрабандой, интеграция этих форм социальной активности была вопросом очень недолгого времени. Однако важно отметить, что, по крайней мере, летом 1992 года ГБАО / АРБ продолжал балансировать между исполнительной властью и «демоисламской» оппозицией. Во всяком случае, 27 июля этого года именно в Хороге представители основных политических сил Таджикистана при участии председателя Верховного Совета А. И. Искандарова заключили первое перемирие [Постановление Президиума Верховного Совета ..., 1992]. Однако провалились и само перемирие, и попытки легитимных бадахшанских властей добиться признания края автономной республикой.

Уже весной 1993 года наблюдатели фиксировали наличие собственных отрядов боевиков по всему западному Памиру от Ишкашима до Дарваза. НВФ фактически стали второй властью (часто гораздо более авторитетной, чем официальная) во всем долине. В марте 1993 года произошла легализация боевиков: Президиум СНД АРБ объявил об образовании «отряда самообороны Памира» из числа памирских моджахедов [Пешниход ба сессияи ...]. Одновременно был создан политический совет оппозиционных движений и отрядов самообороны, координатором которого стал М. Тошмухаммедов. Гражданские силы в этой структуре были представлены в основном радикальной интеллигенцией, а боевики — важнейшими полевыми командирами (Маджнун Паллаев, «Алеша» Аембеков, Саламшо Мухаббатов, Холбаш Холбашев, Балхиер Замиров). Основной целью работы политического совета было провозглашено недопущение эскалации конфликта на Памире [Худоёр, 2012, с. 69—70]. Позже (в августе) явно под давлением боевиков СНД принял решение о создании «отрядов содействия охране границы» [Совет народных депутатов ...]. Так, у пограничников появились непрощенные помощники, а у автономной республики Бадахшан — официальные вооруженные силы.

Важно отметить, что постоянная координация между руководством Движения за исламское возрождение Таджикистана (далее — ДИВТ) и ОТО и бадахшанскими НВФ, насколько можно судить по имеющимся данным, реально и постоянно осуществлялась только в Дарвазе и Язгулеме, служивших транзитными зонами для проникновения боевиков, военных грузов и наркотиков на Памир. Сами полевые командиры исмаилитских регионов Бадахшана вряд ли стремились к более тесному сотрудничеству с суннитскими фанатиками «из-за реки». Тем не менее связь (часто декларативная) с заграничными базами, спонсорами и самостоятельными игроками служила веским аргументом в отношениях боевиков с краевой администрацией, пограничниками и Душанбе.

Относительно устойчивыми и влиятельными были следующие полевые командиры: братья С. и М. Мухаббатовы (в Дарваз и Ванч), Балхиёр Замиров (в Рушане), Холбаш Холбашев, Абдуламон Аёмбеков (в Шугнане). Официальным «отрядом самообороны Памира», состоявшим большей частью из шугнанцев, командовал Маджнун Паллаев (умер в мае 1996 года).

Численность боевиков в Бадахшане, как и в Таджикистане в целом, вероятно, никогда не станет известной. Так, в материалах ЦПМ ФСБ встречается оценка величины личного состава 20 крупных НВФ на территории АРБ в 10 тыс. чел. В. Бушков и Д. Микульский приводили данные на начало марта 1994 года — 7000 чел. [Бушков и др., 1996, с. 80]. Кроме того, в работе Н. Назаршоева без ссылки на источник приводится количество боевиков Бадахшанского фронта ДИВТ, базировавшегося на афганской стороне границы, — 1000—1300 человек [Назаршоев, 2017, с. 238—239]. Также к атакам на пограничников часто привлекались афганские отряды боевиков, численность которых в некоторых случаях достигала нескольких сотен. Однако важно подчеркнуть, что с конца 1994 года обострение ситуации в ИГА постепенно снижало потенциал душманов в прилегающих к ГБАО районах. И связано это было не только с успехами талибов и переориентацией на Россию

военного лидера северного Афганистана А. Масуда. В самих «заречных» афганских провинциях усилились внутренние конфликты. Так, в 1995—1996 годах произошло восстание против Северного альянса исмаилитов афганского Шугнана под руководством Бахрамбега Адели [Emadi, 1998, с. 116—117]. И хотя суннитам удалось вернуть контроль над регионом, шаткость их положения и явно антиисмаилитский характер действий существенно снизили их влияние в Таджикском Бадахшане. В целом можно констатировать, что немногие доступные сегодня источники определенно свидетельствуют о ведущей роли граждан Таджикистана в формировании НВФ. Яркой иллюстрацией этого факта является найденная в архиве ФСБ фотография списков боевиков, захваченных пограничниками 14.07.1993 года в бою за заставу «Саригор». Документы, составленные на кириллице, содержат фамилии, заканчивающиеся на «ов» [Список подразделений ...].

Ход военных действий на таджикско-афганской границе 1992—1997 годов относительно подробно описан в военной литературе и мемуарах участников событий. Мы же постараемся охарактеризовать те особенности, которые приобрело противостояние пограничников и боевиков на рубеже ГБАО.

Как уже упоминалось, в 1992 году боевые действия на территории автономии почти не велись. Хотя часть из 53 пограничных столкновений, произошедших в этом году [Горячий Пяндж ..., 2001, с. 45], безусловно, локализовались на Памире. При этом формирование ГПВ и оборудование застав шло практически синхронно с укреплением локальных вооруженных отрядов оппозиции. По данным М. М. Худоерова, ее неформальный штаб был создан в Хоробе в октябре 1992 года [Худоёров, 2012, с. 69—70].

1993 год стал для бадахшанского участка границы гораздо более напряженным. Наиболее интенсивные боевые действия велись на юге Куляба (зона ответственности Московского пограничного отряда (далее — ПОГО)). Однако столкновения на Памире были предопределены самой масштабной волной вынужденных мигрантов. По данным правительственной комиссии, работавшей на Памире с 4 по 17 марта 1993 года, в регионе было официально зарегистрировано 53 637 беженцев [Записка по результатам ...].

Серьезным вызовом для пограничников стало вытеснение в Дарваз и афганский Бадахшан оппозиционных отрядов. Большую роль в осложнении ситуации сыграло шаткое положение официальных властей АРБ / ГБАО, позиция которых по отношению к захватившему Душанбе народному фронту может быть охарактеризована как враждебный нейтралитет. Рост изоляции региона усугубился в связи с уходом в марте 1993 года с поста председателя СНД ГБАО «тяжеловеса» общереспубликанской политической сцены А. И. Искандарова [Дар бораи аз вазифои раиси пепутатхои халки Чумхурии ...]. Сменивший его шугнанец Г. Ш. Шахбозов [Дар бораи интихоб намудани раиси Шурои ...] старался формально не порывать связей с центральным правительством и пограничниками, выступая, однако, категорически против введения на Памир его вооруженных сил. Его реальная роль сводилась к имитации управления и распределению гуманитарной помощи, в то время как полевые командиры смогли прорваться в легальные управленческие структуры. Так, 23 июля 1993 года

решением упоминавшегося ранее Политсовета ряд участников «отряда самообороны» вошли в состав административных структур. Было предложено реформировать местные органы власти, наполовину обновив их состав за счет открытых сторонников оппозиции. На состоявшейся 26 июля сессии Совета народных депутатов АРБ это решение было утверждено. Председателем Исполнительного комитета Совета народных депутатов АРБ / ГБАО был избран боевик Б. Замиров [Худоёров, 2012, с. 69—70]. При этом даже с такими властными структурами Россия старалась налаживать диалог. Так, в октябре 1993 года Хорог посещали заместитель министра иностранных дел А. Л. Адамишин и первый заместитель начальника Генштаба РФ В. М. Журбенко. В ходе визита была достигнута договоренность о прохождении службы памирских призывников в российской армии [Там же, с. 74]. Сама АРБ энергично пыталась получить хотя бы частичное признание, если не от Душанбе, то от других стран постсоветского пространства. В этом контексте заслуживают внимания решения Исполкома СНГ открыть в августе полномочное представительство региона в России [О полномочном представительстве ...], а в октябре — торгово-экономическое представительство края в Казахстане [Там же]. К сожалению, о судьбе этих инициатив нет данных. Можно предположить, что они не были реализованы. В условиях экономической изоляции оставалось надеяться на помощь со стороны центральных властей и международных организаций.

Гуманитарная помощь, ставшая важнейшим фактором выживания населения Памира, поступала из разных источников. Однако наиболее эффективно и обнадеживающе выглядела поддержка, которую оказывал региону глава исмаилитов-низаритов мира Ага-хан IV. Первые эмиссары «имама времени» побывали в ГБАО летом 1991 года, однако появление его структур в регионе относится к 1993 году [Каландаров, 2004, с. 118—120]. Важно отметить, что, сосредоточившись на доставке гуманитарной помощи (закупленной преимущественно на деньги стран-доноров) и планомерной культурной экспансии, Ага-хан обеспечил себе нейтральный статус по отношению к другим акторам и высочайший уровень популярности среди населения Памира, видевшего в нем гаранта выживания и сохранения самобытности. Более того, вероятно, бадахшанцы связывали с имамом и надежды на признание АРБ.

Как бы то ни было, на протяжении 1993 года военная обстановка в Бадахшане оставалась крайне сложной. 5 апреля на территории Хорогского погранотряда были похищены 10 российских пограничников, которых вскоре удалось освободить при посредничестве А. Аёмбекова. 6 июня была обстреляна бронегруппа Ишканинского погранотряда (потери — один убитый). 10 августа в районе кишлака Курговад перешедшие границу таджикские боевики захватили в плен пять военнослужащих миротворческих сил СНГ: четверых российских солдат и одного майора казахской армии. По другим данным, захват пограничников был осуществлен силами 12-й афганской пограничной бригады и 29-й пехотной дивизии Афганистана. 7 октября в районе кишлака Барчид Шугнанского района 60 таджикских боевиков совершили нападение на боевую разведывательную дозорную машину Хорогского ПОГО, захватили трех российских и трех казахских пограничников и переправили их в Афганистан. Командование российских пограничников в Таджикистане про-

вело переговоры с афганским полевым командиром Абдуллой Саттаром, и на следующий день заложники были возвращены [Служебно-боевая деятельность ...].

В общем, следует отметить, что обстановка на памирском участке границы складывалась на начальном этапе гражданской войны несколько проще, чем на юге Куляба, где и происходили основные боестолкновения.

5. Кульминация гражданской войны на Памире (1994—1995)

Гораздо более сложным для российских пограничников на Памире стал 1994 год. Споры вокруг отношений между политикомом таджикского Бадахшана и ОТО привели к фактическому выходу из Политсовета региона ванчской группировки боевиков во главе с С. Мухаббатовым (февраль 1994). Последний получил поддержку руководства ОТО и был назначен командующим вооруженными силами на Памире [Назаршоев, 2017, с. 238—239]. Пытаясь добиться реального контроля над регионом, ванчско-дарвазские исламисты развернули борьбу с пограничниками.

Не вдаваясь в достаточно подробно описанные в военной литературе детали [Горячий Пяндж ..., 2001, с. 32], отметим, что наиболее угрожаемыми направлениями оказались Дарваз, Ванч и Язгулем — суннитские районы, где после отступления из Гарма оказались значительные силы «пришлых» полевых командиров, поддерживаемых с территории Афганистана. Особенно тяжелыми оказались осенние столкновения в районе Калаи-Хумба. Под давлением боевиков пограничники перешли к массивному строительству постов и опорных пунктов, которые позволили контролировать ключевые участки Пянджского рубежа на постоянной основе. В АРБ / ГБАО также появились усиленные (из ресурсов 201-й дивизии) мотоманевренные группы, дополнительные минометные батареи и дивизионы. Нарращивание группировки позволило участить упреждающие огневые налеты и разведывательно-поисковые действия, в том числе и на сопредельной территории. Кроме того, 7 ноября был создан Калаи-Хумбский ПОГО [Там же, с. 69].

На фоне интенсивных боевых действий без особых рефлексий прекратила свое существование непризнанная АРБ. Пожалуй, ее последним заслуживающим внимания внешнеполитическим действием стало соглашение с Российской финансово-промышленной трансконтинентальной корпорацией о поддержке инвестиций в промышленность региона, финансировании памирских СМИ, лоббировании интересов Бадахшана в правительстве России, а также внедрении в регионе российской банковской системы в обмен на лицензию на поисковые работы и обработку недр [О наделении ...]. Однако, как и другие прожекты местных властей, эта попытка привлечь иностранные инвестиции не была успешной. В ноябре 1994 года на референдуме была принята новая Конституция РТ, седьмая глава которой фактически вернула ГБАО статус эпохи СССР [Худоёров, 2012, с. 78—79]. Перспективы эскалации политической составляющей конфликта снизились.

В 1995 году участники гражданской войны, политики СНГ, Ирана, представители ООН вели почти непрерывные переговоры о путях урегулирования конфликта [Горячий Пяндж ..., 2001, с. 113—114; Назаршоев, 2017, с. 260—261]. Однако попытки обеспечить себе преимущество в политических дискуссиях вылились в продолжение

боевых действий как со стороны оппозиции, так и со стороны Душанбе. На этом фоне стал размываться и терять актуальность декларируемый нейтралитет пограничников. Центральная власть во главе с Э. Рахмоновым, очевидно, имела более высокий уровень легитимации, чем представители ОТО или параллельных политических структур ГБАО. Появление правительственных сил на Памире стало лишь вопросом времени.

В целом боевые действия на Пянджском рубеже были достаточно интенсивны на протяжении первой половины года. Наиболее масштабными были боевые действия 7—16 апреля в Ванче, Язгулеме и Рушане, в результате которых КМС потеряли 41 человека убитыми (из них 35 казахских и таджикских военнослужащих) и 85 ранеными [Горячий Пяндж ..., 2001, с. 77—79; Назаршоев, 2017, с. 260—276]. Фактически, помимо решения задач по защите собственных позиций и установлению контроля над Западно-Памирским трактом, ГПВ в ходе этих тяжелых боев обеспечила развертывание на границе первых таджикских правительственных подразделений. При этом численность самих российских пограничников увеличилась до 15 тыс. человек [Назаршоев, 2017, с. 276].

В течение 1995 года соотношение сил на границе в целом и Памире, в частности, кардинально изменилось в пользу ГПВ. Существенно увеличилось не только численность войск и количество пограничных постов, но и их материально-техническая поддержка. Например, налет боевой авиации группировки вырос на 50 % [Службно-боевая деятельность ...]. Кроме того, изменение политической обстановки позволило пограничникам развернуть дипломатическое «наступление». Было заключено соглашение по предотвращению инцидентов с представителями афганской армии, проведена 61 встреча по урегулированию конкретных конфликтов [Там же]. В сочетании с регулярным подавлением огневых точек за Пянджем это подорвало имидж ОТО. В итоге к осени 1995 года боевая активность вооруженной оппозиции снизилась, постепенно сосредотачиваясь на обеспечении наркотрафика. Тем не менее интенсивные боестолкновения имели место и во второй половине года [Фотография после ...].

В 1995 году, несмотря на сложную обстановку, ГБАО начал возвращаться к мирной жизни. Весной регион посетили председатель ВС Таджикистана Э. Ш. Рахмонов и имам исмаилитов Ага-хан IV. К тому времени уже были запущены первый и второй агрегаты ГЭС «Памир-1» [ГЭС «Памир-1» заработала ...]. Одновременно с преодолением изоляции региона перед пограничниками в полный рост встала проблема пресечения трансконтинентальной наркоторговли. В мае 1995 в Мургабе (на посту «Кара-куль») была задержана первая особо крупная партия наркотиков — 375 кг [Назаршоев, 2017, с. 85].

6. Российские войска и процесс межнационального примирения

1996 год прошел для российской группировки на Пянджском рубеже несколько спокойнее, чем предыдущие. Это было обусловлено дисбалансом сил и средств в пользу ГПВ и переходом в большей части боевиков исмаилитской части ГБАО во главе с Х. Холбашевым в состав вооруженных сил Таджикистана. Столкновения с отрядами ОТО и обстрелы с афганской территории, однако, не прекратились. Наиболее сложны

ми стали бои на Хорогском (июль—август) и Калаи-Хумбском (осень) направлениях. Сохранение конфликтного потенциала во многом определялось наступлением талибов на кабульском направлении и усилением наркотрафика [Митюсов, 2005, с. 11—12].

«Официальное» окончание гражданской войны в Таджикистане было зафиксировано Московским соглашением от 27 июня 1997 года. Несмотря на отдельные столкновения (самое крупное из которых произошло в июне 1997 года на участке Калаи-Хумбского ПОГО) [Митюсов, 2005, с. 13], ситуация на Пянджском рубеже стабилизировалась. Пограничная группа ФПС России в Таджикистане (так она стала называться с 31.07.1997) выполнила свои боевые задачи на территории таджикского Бадахшана и республики в целом. При этом именно в ГБАО роль российских пограничников, на наш взгляд, оказалась наиболее значимой. Фактически находясь «между двух огней», они не только смогли удержать Памир от раздела между полевыми командирами и обеспечить доставку населению региона гуманитарной помощи, но и обеспечили мирный переход края под власть центрального правительства. Упрочение власти Душанбе, в свою очередь, стало «началом конца» для самих российских пограничников, в услугах которых Таджикистан перестал нуждаться.

Исследование доступных сегодня данных по истории российского присутствия на южной границе Памира позволяет авторам прийти к выводу о том, что роль пограничников в прекращении гражданской войны в Таджикистане не сводилась к силовой поддержке центрального правительства. Вооруженные силы бывшей «метрополии» в определенный момент оказались единственным значимым экономическим агентом, гарантом безопасности и институтом социализации, предотвратившим развитие Горного Бадахшана по пути, проторенному Афганистаном.

Источники и принятые сокращения

1. *Дар бораи аз вазифои раиси пепутатхон халки Чумхурии мухтори Бадахшон озод кардани депутат Искандаров Акбаршо* // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 7. Л. 22.
2. *Дар бораи интихоб намудани раиси Шурои депутатхон халки Чумхурии мухтори Бадахшон* // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 7. Л. 24.
3. *Записка по результатам пребывания членов правительственной комиссии в ГБАО с 4 по 17 марта 1993 года* // ЦГА РТ. Ф. 297. Оп. 40. Д. 1539. Л. 357—376.
4. *Карори Президиуми Шуро ва Комитети ичрояи Шурои депутатхон халки Чумхурии мухтори Бадахшон* // Бадахшон. 8.05.1992. С. 1.
5. *Мирзо М. Аз Эрон ба Бадахшон* / М. Мирзо // Бадахшон. 01.05.1992. С. 2.
6. *Наумов В. П. К земляку-пограничнику на таджикско-афганской границе* / В. П. Наумов // Боевой дозор. — 29.09.1993. — № 15. — С. 1. // ЦПМ ФСБ РФ. днв 01297.
7. *О наделении Российской трансконтинентальной финансово-промышленной корпорации полномочиями по осуществлению инвестиционной политики на территории Горно-Бадахшанской автономной области* // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 9. Л. 36—38.
8. *О полномочном представительстве в Российской федерации* // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 114. Л. 9.
9. *О прохождении юношами из республики Таджикистан службы в вооруженных силах* от 10 января 1992 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 48. Д. 57. Л. 98.

10. *Об открытии* торгово-экономического представительства в республике Казахстан // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 116. Л. 9.
11. *Пешиход* ба сессияи Шуурои намояндагони халки ЧМБ // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 7. Л. 30—31.
12. *Постановление* Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 года «Об амнистии совершивших преступления бывших военнослужащих контингента советских войск в Афганистане» // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 48. Д. 54. Л. 60—61.
13. *Постановление* Президиума Верховного Совета республики Таджикистан «О соглашении о мире, подписанном 27 июля 1992 года в Хороге» // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 48. Д. 57. Л. 34.
14. *Протокол № 5* сессии панчум (даъвати бистуякуми) Шуурои депутатҳои халки вилояти мухтори Кухистони Бадахшон // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 4. Лл. 24—28, 106—124.
15. *Список* подразделений формирований моджахедов 14.07.1993 Застава «Сари-гор» // Архив ЦПМ ФСБ РФ, Ф-3364, КП 9223 / 2.
16. *Служебно-боевая* деятельность Краснознаменной пограничной группы ФПС России в Республике Таджикистан // Архив ЦПМ ФСБ РФ, НА 1436. — С. 7—10.
17. *Совет* народных депутатов АРБ: Решение «О дополнительных мерах по укреплению охраны государственной границы» // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 114. Л. 25.
18. *Справка* о боевых потерях военнослужащих по призыву и контрактной службе Группы пограничных войск Российской Федерации в республике Таджикистан в 1994 году (по состоянию на 24.10.1994 года) // ЦПМ ФСБ РФ, днв 01410.
19. *Фотография* после боевых действий в районе ГБАО // Архив ЦПМ ФСБ РФ, Ф-3364, КП 9223 / 2

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бушков В.* Анатомия гражданской войны в Таджикистане : этно-социальные процессы и политическая борьба, 1992—1995 / В. Бушков, Д. Миккульский. — Москва : Институт практического востоковедения РАН, 1996. — 311 с.
2. *Генеральный штаб* Российской армии : история и современность. — Москва : Академический Проект, 2006. — 480 с.
3. *Горячий Пяндж* : документально-литературный сборник о российских пограничниках в Таджикистане (1992—2001 г.). — Санкт-Петербург : Бостон-Спектр, 2001. — 304 с.
4. *ГЭС «Памир-1»* заработала на полную мощность [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://news.tj/ru/news/ges-pamir-1-zarabotala-na-polnuyu-moshchnost>.
5. *Митюсов В. Н.* Научное сообщение : служебно-боевая деятельность Краснознаменной пограничной группы ФПС России в Республике Таджикистан (1995—2001 гг.) / В. Н. Митюсов. — Москва, 2005. — 32 с. // Архив Центрального пограничного музея ФСБ РФ, НА-1436.
6. *Михайлов А. Н.* История боевой подготовки пограничников в Таджикистане (1896—2004) / А. Н. Михайлов. — Душанбе : МАТБУОТ, 2008. — 393 с.
7. *На южном рубеже.* — Санкт-Петербург : Бостон-спектр, 2002. — 228 с.
8. *Назаршоев Н. М.* На южном рубеже. Российские пограничники в Таджикистане в XIX—XXI вв. — Москва : Яуза-каталог, 2017. — 432 с.
9. *Некрасов О. В.* Русские пограничники на «Крыше мира» : конец XIX — начало XX в. (По архивным, правовым и иным материалам) / О. В. Некрасов. — Москва : Авторская Академия, 2017. — 248 с.

10. *Постников А. В.* Схватка на «крыше мира» : политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (монография в документах) / А. В. Постников. — Москва : Памятники исторической мысли, 2001. — 416 с.
11. *Раджабов С.* Советский Бадахшан в братской семье народов СССР / С. Раджабов, Н. Бободжанов. — Душанбе : Ирфон, 1975. — 36 с.
12. *Худоеров М. М.* Социально-политические и этнокультурные трансформации на постсоветском Памире : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.07 / М. М. Худоеров. — Москва, 2012. — 225 с.
13. *Bliss F.* Social and Economic Change in Pamirs (Gorno-Badakhshan, Tajikistan) / F. Bliss. — Routledge : New York, 2006. — 378 с.
14. *Borcke A. V.* Spannungen an der afghanisch-tadschikischen Grenze und das russische Krisen-Management. Volume 1 / A. V. Borcke. — Köln : Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien, 1994a.
15. *Borcke A. V.* Spannungen an der afghanisch-tadschikischen Grenze und das russische Krisen-Management. Volume 2 / A. V. Borcke. — Köln : Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien, 1994b.
16. *Djalili M. R.* Regional Ambitions and Interests in Tajikistan: the Role of Afghanistan, Pakistan and Iran / M. R. Djalili, F. Grare. — Tajikistan : The Trials of Independence. Curzon, 1998.
17. *Dubnov A.* Tajikistan [Electronic resource] / A. Dubnov // U.S. and Russian Policy-making with Respect to the Use of Force / Ed. by R. Azrael and E. A. Payin ; RAND Center for Russian and Eurasian Studies. Center for Ethnopolitical and Regional Research. — Access mode : https://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF129.html.
18. *Emadi H.* The end of Taqiyya : reaffirming the religious identity of Ismailis in Shughnan, Badakhshan — political implications for Afghanistan / H. Emadi // Middle Eastern Studies. — 1998. — Vol. 34, Iss. 3. — Pp. 103—120. DOI : 10.1080/00263209808701234.
19. *Friere M. R.* Russian Policy in Central Asia : Supporting, Balancing, Coercing or Imposing? / M. R. Friere // Asian Perspective. — 2009. — Vol. 33, № 2. — Pp. 125—149.
20. *Giragosian R.* The US Military Engagement in Central Asia and the Southern Caucasus : An Overview / R. Giragosian // The Journal of Slavic Military Studies. — 2004. — Vol. 17, № 1. — Pp. 43—77.
21. *Green A. B.* Is There a Central Asian Security Complex? An Application of Security Complex Theory and Securitization to Problems Relating to Identity in Central Asia / A. B. Green. — Kingston, Ontario, Canada, 2000. — 121 с.
22. *Gleason G.* Why Russia is in Tajikistan / G. Gleason // Comparative Strategy. — 2001. — Vol. 20, № 1. — Pp. 77—89.
23. *Goodhand J.* From Holy War to Opium War? A Case Study of the Opium Economy in North Eastern Afghanistan / J. Goodhand // Central Asian Survey. — 2000. — № 19 (2). — Pp. 265—280.
24. *Jonson L.* Tajikistan in the New Central Asia. Geopolitics, Great Power Rivalry and Radical Islam. *Jonson L.* Tajikistan in the New Central Asia. Geopolitics, Great Power Rivalry and Radical Islam. — London : Tauris, 2006. — 252 p.
25. *Kraudzin T.* External Support and Local Agency : Uncertain Transformation Livelihoods in the Pamirian Borderland of Tajikistan / T. Kraudzin // Mapping Transition in the Pamirs : Changing Human-Environmental Landscapes. — Switzerland : Springer International Publishing, 2016. — Pp. 159—179.

26. *Kraudzun T.* From the Pamir frontier to international borders : Exchange relations of the borderland population / T. Kraudzun // Pamirian border. — 2011. — Pp. 166—186. — Access mode : https://www.geo.fu-berlin.de/geog/fachrichtungen/anthrogeog/zelf/Medien/download/Kraudzun/Kraudzun2011_From_the_Pamir_frontier_to_internat_borders.pdf?1373748604.
27. *Kubicek P.* Regionalism, Nationalism and Realpolitik in Central Asia / P. Kubicek // Europe-Asia Studies. — 1997. — Vol. 49, № 4. — Pp. 411—434.
28. *Nourzhanov K.* Saviours of the nation or robber barons? Warlord politics in Tajikistan / K. Nourzhanov // Central Asia Survey. — 2005. — Vol. 24, № 2. — Pp. 109—130.
29. *Nourzhanov K.* Tajikistan : a political and social history / K. Nourzhanov, K. Bleuer. — Canberra : ANU E Press. 2013. — 420 p.
30. *Paoli L.* Tajikistan : The Rise of a Narco-State / L. Paoli, I. Ryabkov, V. Greenfield, P. Reuter // Journal of Drug Issues. — 2007. — Vol. 37, Issues 4. — Pp. 951—957.
31. *Slim R. M.* Managing Conflict in Divided Societies : Lesson from Tajikistan / R. M. Slim, H. H. Saunders // Negotiation Journal 1996. — Vol. 12, Issue 1. — Pp. 31—46.
32. *Srivastava A.* Dynamics of Russian-Central Asian Geopolitical Relations / A. Srivastava // India Quarterly : A Journal of International Affairs. — 2002. — Vol. 58, № 3—4. — Pp. 243—272.
33. *The War in Tajikistan Three Years On.* Special Report of The US Institute of Peace // United State Institute of Peace. — 1995. — November 1. — Access mode : <https://www.usip.org/publications/1995/11/war-tajikistan-three-years>.

RUSSIAN TROOPS IN THE BADAKHSHAN-MOUNTAIN AUTONOMOUS REGION IN 1992—1997¹

© **Vladimir A. Shorokhov (2019)**, orcid.org/0000-0002-0866-8529, ResearcherID G-4497-2015, SPIN 6855-9164, PhD in History, associate professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), v.shorohov@spbu.ru.

© **Artem A. Andreev (2019)**, orcid.org/0000-0002-0431-2648, ResearcherID M-8858-2015, SPIN 6824-9185, PhD in History, associate professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), a.a.andreev@spbu.ru.

The study is devoted to the most dramatic period of the stay of Russian troops on the territory of Badakhshan-mountain — the era of the civil war in Tajikistan (1992—1997). The authors of the work tried to overcome the schematism and descriptive nature of the historiography of the topic. For this, documents from the archives of the Badakhshan mountain Autonomous Region (BMAR), data from the regional periodical press, and previously unpublished analytical materials and photographs from the funds of the Central Border Museum of the Federal Security Service of the Russian Federation were used. As a result of studying the opposing forces, instead of confronting the faceless, monolithic and mechanically opposed "Russians" and "fighters", a complex picture of the interaction of various actors involved in the thick of events with the unpredictable dynamics of the context is formed. The authors conclude that the armed forces of the former "Center" at some point turned out to be the only significant economic agent, security guarantor and socialization institution that prevented the development of the region according to the "Afghan" scenario.

Keywords: civil war in Tajikistan; Mountain Badakhshan; Autonomous Republic of Badakhshan; Russian border guards; Group of the Border Troops of the Russian Federation.

¹ The study was prepared with the support of a grant from the President of the Russian Federation to support young scientists (candidates of sciences) No. MK-5515.2018.6 "Russia and Ethnopolitical Processes in the Badakhshan - mountain Autonomous Region of Tajikistan (1991—2005)".

MATERIAL RESOURCES

- Dar borai az vazifoi raisi deputatkhoi khalki Chumkhurii mukhtori Badakhshon ozod kardani deputat Iskandarov Akbarsho. In: *GA GBAO*. F. 1. Op. 49. D. 7. L. 22. (In Tajik.).
- Dar borai intikhob namudani raisi Shuroi deputatkhoi khalki Chumkhurii mukhtori Badakhshon. In: *GA GBAO*. F. 1. Op. 49. D. 7. L. 24. (In Tajik.).
- Fotografiya posle boyevykh deystviy v rayone GBAO. In: *Arkhiv TsPM FSB RF*. F-3364. KP 9223 / 2. (In Russ.).
- Karori Prezidiumi Shuro va Komiteti ichroyai Shuroi deputatkhoi khalki Chumkhurii mukhtori Badakhshon (1992). In: *Badakhshon*. 08.05. (In Tajik.).
- Mirzo, M. Az Eron ba Badakhshon. (1992). In: *Badakhshon*. 01.05. (In Tajik.).
- Naumov, V. P. (29.09.1993). K zemlyaku-pogranichniku na tadjiksko-afganskoy granites. Boyevoy dozor, 15. In: *TsPM FSB RF*. dnv 01297. (In Russ.).
- O nadelanii Rossiyskoy transkontinentalnoy finansovo-promyshlennoy korporatsii polnomochiyami po osushchestvleniyu investitsionnoy politiki na territorii Gorno-Badakhshanskoy avtonomnoy oblasti. In: *GA GBAO*. F. 1. Op. 49. D. 9. 36—38. (In Russ.).
- O polnomochnom predstavitelstve v Rossiyskoy federatsii. In: *GA GBAO*. F. 1. Op. 50. D. 114. L. 9. (In Russ.).
- O prokhozhenii yunoshami iz respubliki Tadjikistan sluzhby v vooruzhennykh silakh ot 10 yanvarya 1992 g. In: *GA GBAO*. F. 1. Op. 48. D. 57. L. 98. (In Russ.).
- Ob otkrytii trgovno-ekonomicheskogo predstavitelstva v respublike Kazakhstan. In: *GA GBAO*. F. 1. Op. 50. D. 116. L. 9. (In Russ.).
- Peshnikhod ba sessiyai Shuroi namoyandagoni khalki ChMB. In: *GA GBAO*. F. 1. Op. 49. D. 7. 30—31. (In Tajik.).
- Postanovleniye Verkhovnogo Soveta SSSR ot 28 noyabrya 1989 goda «Ob amnistii sovershivshikh prestupleniya byvshikh voyennosluzhashchikh kontingenta sovetских voysk v Afganistane». In: *GA GBAO*. F. 1. Op. 48. D. 54. 60—61. (In Russ.).
- Postanovleniye Prezidiuma Verkhovnogo Soveta respubliki Tadjikistan «O soglasenii o mire, podpisannom 27 iyulya 1992 goda v Khoroge». In: *GA GBAO*. F. 1. Op. 48. D. 57. L. 34. (In Russ.).
- Protokol № 5 sessiyai panchum (davati bistuyakumi) Shuroi deputatkhoi khalki viloyati mukhtori Kukhistoni Badakhshon. In: *GA GBAO*. F. 1. Op. 49. D. 4. Ll. 24—28. 106—124. (In Tajik.).
- Spisok podrazdeleniy formirovaniy modzhakhedov 14.07.1993. Zastava «Sarigor». In: *Arkhiv TsPM FSB RF*. F-3364. KP 9223 / 2. (In Russ.).
- Sluzhebno-boyevaya deyatelnost' Krasnoznamennoy pogranichnoy gruppy FPS Rossii v Respublike Tadjikistan. In: *Arkhiv TsPM FSB RF*. NA 1436. 7—10. (In Russ.).
- Sovet narodnykh deputatov ARB: Resheniye «O dopolnitelnykh merakh po ukrepleniyu okhrany gosudarstvennoy granitsy». In: *GA GBAO*. F. 1. Op. 50. D. 114. L. 25. (In Russ.).
- Spravka o boyevykh poteryakh voyennosluzhashchikh po prizyvu i kontraktnoy sluzhbe Gruppy pogranichnykh voysk Rossiyskoy federatsii v respublike Tadjikistan v 1994 godu (po sostoyaniyu na 24.10.1994 goda). In: *TsPM FSB RF*. dnv 01410. (In Russ.).
- Zapiska po rezul'tatam prebyvaniya chlenov pravitel'stvennoy komissii v GBAO s 4 po 17 marta 1993 goda. In: *TsGA RT*. F. 297. Op. 40. D. 1539. 357—376. (In Russ.).

REFERENCES

- Bliss, F. (2006). *Social and Economic Change in Pamirs (Gorno-Badakhshan, Tajikistan)*. Routledge: New York.
- Borcke, A. V. (1994). *Spannungen an der afghanisch-tadschikischen Grenze und das russische Krisen-Management, 1*. Köln: Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien. (In Germ.).
- Borcke, A. V. (1994). *Spannungen an der afghanisch-tadschikischen Grenze und das russische Krisen-Management, 2*. Köln: Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien. (In Germ.).
- Bushkov, V., Mikulskiy, D. (1996). *Anatomiya grazhdanskoy voyny v Tadzhikestane: etnosotsialnyye protsessy i politicheskaya borba, 1992—1995*. Moskva: Institut prakticheskogo vostokovedeniya RAN. (In Russ.).
- Djalili, M. R., Grare, F. (1998). *Regional Ambitions and Interests in Tajikistan: the Role of Afghanistan, Pakistan and Iran*. Tajikistan: The Trials of Independence. Curzon.
- Dubnov, A. *Tajikistan. U.S. and Russian Policymaking with Respect to the Use of Force*. Available at: https://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF129.html.
- Emadi, N. (1998). The end of Tajiyya: reaffirming the religious identity of Ismailis in Shughnan, Badakhshan — political implications for Afghanistan. *Middle Eastern Studies*, 34 (3): 103—120. DOI: 10.1080/00263209808701234.
- Friere, M. R. (2009). Russian Policy in Central Asia: Supporting, Balancing, Coercing or Imposing? *Asian Perspective*, 33 (2): 125—149.
- Generalnyy shtab Rossiyskoy armii: istoriya i sovremennost'*. (2006). Moskva: Akademicheskii Proekt. (In Russ.).
- GES «Pamir-I» zarabotala na polnuyu moshchnost'*. Available at: <https://news.tj/ru/news/ges-pamir-1-zarabotala-na-polnuyu-moshchnost>. (In Russ.).
- Giragosian, R. (2004). The US Military Engagement in Central Asia and the Southern Caucasus: An Overview. *The Journal of Slavic Military Studies*, 17 (1): 43—77.
- Gleason, G. (2001). Why Russia is in Tajikistan. *Comparative Strategy*, 20 (1): 77—89.
- Goodhand, J. (2000). From Holy War to Opium War? A Case Study of the Opium Economy in North Eastern Afghanistan. *Central Asian Survey*, 19 (2): 265—280.
- Goryachiy Pyandzh: dokumentalno-literaturnyy sbornik o rossiyskikh pogrannichnikakh v Tadzhikestane (1992—2001 g.)*. (2001). Sankt-Peterburg: Boston-Spektr. (In Russ.).
- Green, A. B. (2000). *Is There a Central Asian Security Complex? An Application of Security Complex Theory and Securitization to Problems Relating to Identity in Central Asia*. Kingston, Ontario, Canada.
- Jonson, L. (2006). *Tajikistan in the New Central Asia. Geopolitics, Great Power Rivalry and Radical Islam*. London: Tauris.
- Khudoyerov, M. M. (2012). *Sotsialno-politicheskiye i etnokulturnyye transformatsii na post-sovetskom Pamire: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Kraudzin, T. (2011). From the Pamir frontier to international borders: Exchange relations of the borderland population. In: *Pamirian border*. 166—186. Available at: https://www.geo.fu-berlin.de/geog/fachrichtungen/anthrogeog/zelf/Medien/download/Kraudzun/Kraudzun2011_From_the_Pamir_frontier_to_international_borders.pdf?1373748604.

- Kraudzin, T. (2016). External Support and Local Agency: Uncertain Transformation Livelihoods in the Pamirian Borderland of Tajikistan. In: *Mapping Transition in the Pamirs: Changing Human-Environmental Landscapes*. Switzerland: Springer International Publishing. 159—179.
- Kubicek, P. (1997). Regionalism, Nationalism and Realpolitik in Central Asia. *Europe-Asia Studies*, 49 (4): 411—434.
- Mityusov, V. N. (2005). Nauchnoe soobshcheniye: sluzhebno-boyevaya deyatel'nost' Krasnoznamennoy pogranichnoy gruppy FPS Rossii v Respublike Tadzhikistan (1995—2001 gg.). In: *Arkhiv Tsentralnogo pogranichnogo muzeya FSB RF. NA-1436*. (In Russ.).
- Mikhaylov, A. N. (2008). *Istoriya boyevoy podgotovki pogranichnikov v Tadzhikistane (1896—2004)*. Dushanbe: MATBUOT. (In Russ.).
- Na yuzhnom rubezhe*. (2002). Sankt-Peterburg: Boston-spektr. (In Russ.).
- Nazarshoyev, N. M. (2017). *Na yuzhnom rubezhe. Rossiyskiye pogranichniki v Tadzhikistane v XIX—XXI vv.* Moskva: Yauza-katalog. (In Russ.).
- Nekrasov, O. V. (2017). *Russkiye pogranichniki na «Kryshe mira»: konets XIX — nachalo XX v. (Po arkhivnym, pravovym i inym materialam)*. Moskva: Avtorskaya Akademiya. (In Russ.).
- Nourzhanov, K. (2005). Saviours of the nation or robber barons? Warlord politics in Tajikistan. *Central Asia Survey*, 24 (2): 109—130.
- Nourzhanov, K., Bleuer, K. (2013). *Tajikistan: a political and social history*. Canberra: ANU E Press.
- Paoli, L., Ryabkov, I., Greenfield, V., Reuter, P. (2007). Tajikistan: The Rise of a Narco-State. *Journal of Drug Issues*, 37 (4): 951—957.
- Postnikov, A. V. (2001). *Skhvatka na «kryshe mira»: politiki, razvedchiki i geografy v borbe za Pamir v XIX veke (monografiya v dokumentakh)*. Moskva: Pamyatniki istoricheskoy mysli. (In Russ.).
- Radzhabov, S., Bobodzhanov, N. (1975). *Sovetskiy Badakhshan v bratskoy seme narodov SSSR*. Dushanbe: Irfon. (In Russ.).
- Slim, R. M., Saunders, H. H. (1996). Managing Conflict in Divided Societies: Lesson from Tajikistan. *Negotiation Journal*, 12 (1): 31—46.
- Srivastava, A. (2002). Dynamics of Russian-Central Asian Geopolitical Relations. *India Quarterly: A Journal of International Affairs*, 58 (3—4): 243—272.
- The War in Tajikistan Three Years On. Special Report of The US Institute of Peace. (1995). In: *United State Institute of Peace*. November 1. Available at: <https://www.usip.org/publications/1995/11/war-tajikistan-three-years>.